

несения июля 1942 года выразительней всех громких слов: «Считая себя мобилизованным, ансамбль вынес все трудности осады Ленинграда, проводя в тяжелых условиях, особенно осенью и зимой 1941—42 года, во флоте и на Ленинградском фронте 500 концертов».

Клавдия Шульженко вспоминает:

— Да, их было пятьсот за первый год войны. Первый состоялся на полевом аэродроме, прямо под крыльями самолетов. Я вышла петь в военной форме, а летчики попросили надеть «гражданское» платье: так им казалось немного ближе к прошлому, к дому, к до-

ние под часами, первые так ты музыки... А те, кто не бывал раньше на концертах Шульженко, возвращались воспоминаниями к праздничному домашнему застолью, к патефону, на котором без передышки крутили «...Кто в нашем крае Челиту не знает?» или «Ваша записка в несколько строк...».

Здесь, в «лесу прифронтовом» впервые прозвучали другие песни. «Об огнях-пожарищах, о друзьях-товарищах».

Клавдия Шульженко вспоминает:

— После одного из фронтовых концертов подошел ко мне лейтенант, предста-

вым, М. Яншиным, но все-таки главным режиссером постановщиком каждого своего маленького спектакля-песни была она сама. В них оживали характер и душа ее поколения. Тех горластых, смешивающих фабричных девчонок в красных козыньках, рабфаковцев первых пятилеток, а потом жен, матерей, неспших на своих плечах безмерную тяжесть войны. К лицу этим женщинам были и шинель, и ватная телогрейка, и нарядное кружевное платье. Все выдвигали и сохранили улыбку, немного грустную иронию, светлый лирический взгляд на мир.

Потому она «вне моды». Когда в радиопередаче «С добрым утром!», посвященной двадцатилетию Победы, Шульженко, спустя годы, вновь исполнила «Синий платочек» и «Давай закурим», то, опережая Апрельский завод, тысячи магнитофонов записали эти песни. Запись бережно передавали друг другу мальчишки и девчонки, родившиеся уже после войны...

А тогда, в 1942 году, когда немного схлынуло чудовищное напряжение под Ленинградом, она приехала в столицу. Вместе с Аркадием Райкиным выступала на эстрадной площадке «Эрмитажа». Время было совсем невеселое, но старый «Эрмитаж» никогда не слышал таких аплодисментов. Москвичи, конечно, не только обрадовались своим любимцам. Это была овация Москвы в честь героического Ленинграда.

Актрису ждали другие города, тылы и передовые. Она со своим ансамблем считала не одну тысячу километров, снималась в киноконцерте, записывала пластинки. Но День Победы встретил в Ленинграде. Шел концерт в Выборгском Дворце культуры, потом выступала на импровизированной площадке перед дворцом. К певнице с боевым ордемом Красной Звезды и медалью «За оборону Ленинграда» подходили люди: «Вы меня помните? Батарея в Колпинском...». «Вы помните? Волховский фронт...». «Помните? Кировский завод?».

Клавдия Шульженко вспоминает:

— Уважение, доверие моих слушателей я ценю больше всего на свете. И, конечно, встречи с ними в те военные, как сказал один писатель, самые долгие годы, я не забуду никогда. Не забуду рабочих оборонного завода, решивших после концерта поделиться с нами своим скудным блокадным ужином. Не забуду солдат, офицеров, политработников, их слова, что после концерта легче идти в бой. Не забуду шоферов с Ладоги. И многих, многих других людей, давших нам силы работать и выстоять.

...Если у вас, товарищи фронтовики, есть дома пластинка Клавдии Шульженко, то найдите ее сегодня, послушайте. Если нет, не беда — наверное, нетрудно просто вспомнить этот по-прежнему молодой голос:

Майскими короткими ночами,
Отгремев, закончились бои.
Где же вы теперь,
Друзья-однополчане,
Боевые спутники мои?..

«ЭТИ ДНИ КОГДА-НИБУДЬ МЫ БУДЕМ ВСПОМИНАТЬ»

рогим людям. Этой просьбе я осталась верна, потом всегда старалась выступать перед бойцами в самых нарядных своих платьях.

А юбилейный, пятистотый концерт прошел в Доме Красной Армии. Приехали многие наши друзья — солдаты, офицеры, — фронт ведь был рядом. Так дорого было получить от них собранные по дороге букеты полевых цветов.

С берез, неслышен, невесом
Слетает желтый лист.
Старинный вальс

«Осенний сон»
Играет гармонист.
Вздыхают, жалуясь, басы.
И, словно в забытый,
Сидят и слушают бойцы —
Товарищи мои.

Стихи Михаила Исаковского — это же прозрачная, стереоскопически четкая картина фронтового концерта. Кто-то из солдат вспоминал мирный вечер, хлопоты с билетами, свида-

вился: «Михаил Максимов», — и, смущаясь, сказал, что на уже известную музыку композитора Юрия Петербургского написал новые слова. Прочитала. Это был «Синий платочек», который я впервые исполнила в тот же день. И потом, где бы ни выступала я в военные годы, слушатели просили, требовали эту песню.

Наши ленинградцы Василий Павлович Соловьев-Седой и поэт Александр Чуркин создали «Вечер на рейде» — задушевный, лирический рассказ о родном городе о «дружбе морской». «Вечер на рейде» подхватила буквально вся страна.

Еще одну, очень дорогую мне песню подарили Илья Френкель и композитор Модест Табачников — «Давай закурим». На недолгом привале усталые бойцы развязали кисеты. Скоро опять месить грязь разбитых дорог, идти в бой. И в простых словах «Эти дни когда-нибудь мы будем вспоминать» — солдатская гордость, непреклонная вера в победу.

НА ЭСТРАДЕ Клавдия Шульженко довелось работать с превосходными режиссерами Н. Акимовым, Н. Петро-

МИЛЛИОНЫ разных дней 21 июня — у каждого человека свой. 22 июня 1941 года — один, памятный для всех день. Кровоточащая межа во времени.

У Клавдии Шульженко были сборы недолги. Последний гастрольный концерт в Ереване (уже прошло шестнадцать часов войны, непривычные пустые места в зале). Раздражающе медленный поезд. Долгая стоянка под Харьковом (город ее юности бомбили). Наконец, дома — Московский вокзал в Ленинграде: гимнастерки, гимнастерки, гимнастерки...

С вокзала поехала в штаб округа. Полковник из полуправления: «Телеграмму вашу получили. Просьба удовлетворена. Вы зачислены в ряды действующей армии. Военское звание — рядовой».

Фронтовой джаз-ансамбль под руководством Клавдии Шульженко и Владимира Коралли — так называлось это подразделение.

...Маршрут начинался с Литейного, от окружного Дома Красной Армии имени Кирова. Лето, осень, зима... Старенький тряский автобус уходил в мглистые ленинградские утра. Омерзительные, заиндевелые трамваи, аэроплатформы над замерзшими каналами, дома, внутри которых, казалось, было еще холоднее, чем на улице. Иногда проезжали мимо любимой улицы России, напоминавшей огромный, классически строгий концертный зал. Шульженко про себя гадала: какой-то сегодня будет ее зал?

Землянка, согретая ды- ханьем солдат?

Ночные форты Кронштадта, днем отбившего очередные воздушные атаки?

Заводской цех, на минуту приглушивший станки, где вытачивали снаряды?

Отгороженный угол госпитальной палаты?

Сарай, насквозь продуваемый ветрами, деревянный автомобильный фургон или просто ледяной «пятачок» Ладоги, там, где, как ниточка сквозь блокаду, начиналась «Дорога жизни»?..

Скупые строки политдо-

«Синий платочек»